УЧЕНЫЯ
ЗАПИСКИ
ИМПЕРАТОРСКАГО
МОСКОВСКАГО УНИВЕРСИТЕТА.

ГОДЪ ВТОРОЙ.

ЧАСТЬ ШЕСТАЯ.

МОСКВА.
Въ Университетской Типографіи.
1834.

Напечатано по опредѣленію Университетскаго Совѣта. Октября 2го дня 1834 года. *Секретарь Совѣта, Ордин. Проф. Николай Надеждинъ.*

IV. СМѢСЬ.

А. Ученыя извѣстія.

9. Взглядъ на памятники Украинской народной Словесности.

Письмо къ Профессору И. М. Снегиреву.

Pauca paucis.

Въ настоящее время, кажется, уже не для кого, и не для чего доказывать, что языкъ Украинскій (или какъ угодно называть другимъ: Малороссійскій) есть языкъ, а не нарѣчіе — Русскаго или Польскаго, какъ доказывали нѣкоторые; и многіе увѣрены, что этотъ языкъ есть одинъ изъ богатѣйшихъ языковъ Славянскихъ; что онъ едва ли уступитъ на пр. Богемскому въ обиліи словъ и выраженій, Польскому въ живописности, Сербскому въ пріятности; что это языкъ, который, будучи еще не обработанъ, можетъ уже сравниться съ языками образованными, по гибкости и богатству Синтаксическому — языкъ поэтическій, музыкальный, живописный.

Но можетъ ли, долженъ ли онъ въ настоящихъ обстоятельствахъ продолжать свое разви-

тіе, и сделаться языкомъ литературы, а потомъ и общества, какъ было отчасти прежде, или же его уделъ остаться навсегда языкомъ простаго народа, безпрерывно искажаться, мало помалу вянуть, глохнуть среди терній другихъ языковъ, и наконецъ исчезнуть съ лица земли, не оставивши по себе ни следа, ни воспоминанія?

Нетъ! какая бы участь ни ожидала его, чтобы ни делало съ нимъ легкомысліе и случай, онъ не исчезнетъ, и еслибъ даже онъ не имелъ надежды на славу литературную, онъ оставитъ свои песни и думы, и долго будетъ памятенъ подобно языку Труверовъ и Скальдовъ. Еслибъ онъ не имелъ надежды на славу литературную, сказалъ я; — но онъ имеетъ и сію надежду, хотя и слабую, хотя еще и въ зародыше, но имеетъ. И почему же глубокомысленый *Сковорода*, простодушный *Котляревскій*, богатый фантазіею *Артемовскій*, всегда игривый, всегда увлекательный *Основьяненко* и еще несколько другихъ, польстившихъ обещаніями и надеждой выждать отъ нихъ что-нибудь достойное Украйны — почему должны они остаться одни въ доселе дикой пустыне Украинской Литературы. Языкъ Хмельницкаго, Пушкаря, Дорошенко, Палія, Кочубея, Апостола долженъ, по крайней мере, передать потомству славу сихъ великихъ людей Украйны. Подъ щитомъ и покровомъ мудраго Правительства, подъ призоромъ Монарховъ, покровителей отечественнаго просвещенія, онъ можетъ иметь эту надежду. Представляю себе ту счастливую годину, когда

Россія, сильная душей, сильная волей, сильная умомъ, будешъ сильна въ мірѣ и словомъ; незамѣнная отчизна своихъ гражданъ станетъ отчизной всѣхъ другихъ народовъ, всѣхъ наукъ, всѣхъ художествъ, всѣхъ литтературъ.

Будемъ радоваться надеждой — и не предадимъ забвенію того, чѣмъ уже можемъ гордиться; не оставимъ въ пренебреженіи тѣхъ драгоцѣнностей, какими уже владѣемъ, или можемъ овладѣть, если не будемъ равнодушны и довѣрчивы къ памяти народной.

Но чѣмъ можемъ мы гордиться? какими драгоцѣнностями владѣемъ? — Эти вопросы остаются доселѣ нерѣшенными, даже нетронутыми. Впрочемъ, да не подумаетъ читатель, что я осмѣлился приняться за этотъ трудъ. — Нѣтъ, это еще рано. Мое намѣреніе указать только на важнѣйшее, сдѣлать не больше, какъ общій очеркъ памятниковъ народной Словесности Украинской; и очень радъ, если упущу изъ виду не все, что заслуживаетъ особенное вниманіе любителей.

Памятники народной Украинской Словесности можно раздѣлить на два рода:

1. Народныя преданія.

2. Сочиненія болѣе, или менѣе ученыхъ писателей. Въ этой статьѣ обратимъ вниманіе только на первый разъ, оставя очеркъ втораго до другаго мѣста.

Преданія, составляющія богатство Украинской народной Словесности, суть: 1. Думы и Пѣсни. 2. Сказки. 3. Похвалки. 4. Пословицы и Поговорки. 5. Загадки. 6. Заговоры.

1. Думы и Пѣсни.

Едва ли ошибемся, если скажемъ, что мало народовъ, кои были бы богаче Украинцевъ пѣснопѣніями, и чтобы сіи пѣснопѣнія были столь изящны въ отношеніи поэтическомъ, столь разнообразны по содержанію, и вмѣстѣ столь музыкальны. Кромѣ пѣсенъ и думъ, сдѣлавшихся общимъ достояніемъ всего народа, есть неисчислимое множество мѣстныхъ, и еще болѣе такихъ, кои слагаются на случай, или ревизируются и, не будучи выдерживаемы, не успѣвая сдѣлаться преданіями, но всегда теряются въ забвеніи. Часто случалось мнѣ слышать одинокую Украинку за праслицей въ хатѣ у окна, или у завалины, или въ полѣ за работой, какъ она, фантазируя своимъ гибкимъ, звонкимъ и часто нѣжнымъ, пріятнымъ голосомъ, находитъ наконецъ звуки, ее плѣняющіе, близкіе къ ея сердцу, гармонируетъ ихъ — и мало помалу смѣняетъ свою безобразную фантазію стройною пѣснею — пѣснею, исполненною чувства и поэзіи. Сначала, правда, слова этой пѣсни не подчинены размѣру, едва ли даже имѣютъ какое-нибудь общее содержаніе; но это не надолго: — постепенно являются стихи, рифмы, общій размѣръ, содержаніе, часто довольно милое — пѣвица одушевляется, и пѣсня для нея безконечна. Живо помню, какъ одна селянка лѣтъ тринадцати въ два вечера сложила милую пѣсню объ ясномъ солнцѣ, свѣтломъ мѣсяцѣ и яркой звѣздочкѣ, примѣнивши ихъ къ двумъ братьямъ и сестрѣ; — не могу вспомнить безъ смѣху, какъ выманила у меня одна нищая старушка нѣсколь-

ко грошей за колядки, кои сама сочиняла, и сочиняла такъ проворно, что я не успѣвалъ ихъ списывать. Надобно отдать честь Украинкамъ: между ними не рѣдкость найти владѣющихъ способностью слагать пѣсни; впрочемъ, и между Украинцами не мало искусныхъ импровизаторовъ, особенно изъ ремесленниковъ, чумаковъ и бандуристовъ. Первые — большіе мастера сочинять пѣсни анакреонтическія, послѣдніе очень легко перелагають въ думы сказки нравоучительныя, а подъ часъ и миѳическія. Конечно, всѣ этѣ импровизаціи могутъ нравиться на-время, только тогда, когда ихъ поетъ самъ авторъ; но за то изъ пѣсней и думъ, удостоенныхъ памяти народной, какъ много истинно прекрасныхъ, проникнутыхъ глубокимъ, неподдѣльнымъ чувствомъ, оживленныхъ звуками, трогающими сердце. Вспомните:

Гомôнъ, гомôнъ по дубровî — —

прослушайте:

По надъ моремъ Дунаемъ
Вîтеръ яворъ хитае — —

Прочтите смерть одного изъ трехъ братьевъ, бѣжавшихъ изъ Азова — смерть его на *Саурь*-могилѣ; или гаданье Самка Мушкета въ думѣ о походѣ на Поляковъ во время Гетмана Полтора Кожуха; или надгробную пѣснь Гетману Свирговскому:

Тодî буіни вîтры завывали:
— Де-жъ вълками Гетьмана сподîвали?
Тодî кречеты налîтали:
— Де-жъ вы нашого Гетьмана жалковали?

Тодî орлы заклюкали:
— Де-жъ вы нашего Гетьмана зхоронили?
Тодî жаворонки повилися:
— Де-жъ вы зъ нашимъ Гетьманомъ простилися?
У глîбокîй, у могилî
Бîлъ города, бîлъ Киліи,
На Турецькîй линіи. — —
или о Палîѣ въ Сибири:
Высоко соньце заходить
Низенько ложиться:
Ой десь ию Панъ Палîй Семенъ.
Теперь журиться? — —
Той душу заклавши,
Свиту, бачъ, гаптуе;
А той по Сибиру
Мовъ у Лузî дубуе! . . . .
или простодушную просьбу Ковадя Пану.
Въ ласкавого Пана
Гаптована свита:
Чи не можно Ковалевî
Принадиться свита? —
или — — или — — примѣры безчисленны.

И притомъ какъ разнообразно содержаніе пѣсенъ и думъ Украинскихъ! — Однѣ напомнятъ вамъ преданья старины глубокой, старины, о которой мы не имѣемъ почти никакого понятія, перенося васъ на какое-нибудь древнее городище, въ толпу поклонниковъ Свѣтовида — Одина; Купальницы — Фреи и Перуна — Тора, или на берегъ Дуная съ вѣнкомъ въ рукѣ, или къ священному огню, или въ таинственный мракъ лѣса, обитаемаго нечистою силой, или въ ея подзем-

ные чертоги. Другія плѣняшъ васъ невинностью и простодушіемъ нравоученій, со всею простотой временъ Патріархальныхъ, скажутъ вамъ о святости молитвы и благословеніи родныхъ, или о милосердіи Жизнодавца, или о великодушіи и могуществѣ Св. Угодника Божія Николая Чудотворца. Третьи разовьютъ предъ вами знамя славы вѣковъ минувшихъ, тѣхъ бурныхъ годинъ, когда Украйна боролась съ врагами Православія, и потомъ сама себя убивала крамолами и распрями, и перескажутъ вамъ названіе Свирговскаго, Богданка, Подковы, Наливайка, Лободы, Хмельницкаго, Палîя, Мазепы, Коломîя, и о многихъ другихъ герояхъ Гетьманщины. Еще нѣкоторыя напомнятъ о станѣ военномъ, о сѣчахъ, пораженіяхъ, побѣдахъ, пирахъ побѣдныхъ. Иныя перенесутъ васъ въ волшебный міръ любви. Иные васъ забавятъ гуморомъ, этимъ оригинальнымъ, самобытнымъ и своенравнымъ гуморомъ, обозначающимъ характеръ Украинца чертами столь рѣзкими.

Такимъ образомъ, если не излишнее дѣленіе Украинскихъ пѣсенъ и думъ на отдѣлы: то большая часть ихъ подойдетъ подъ слѣдующіе шесть:

1. *Миѳическія.* Между пѣснями сего отдѣла есть миѳическія по содержанію и миѳическія по припѣву. Первыхъ осталось въ памяти народной очень мало; нѣкоторыя изъ нихъ поются въ Троицынъ день, иныя во время Колядованья, и пр. Въ послѣднихъ чаще всего поминаются имена Дîда, Ладо, Купало, Мавки и т. п. Миѳическія думы всѣ безъ исключенія суть переложенія миѳическихъ сказокъ.

2. *Былевыя.* Одна часть ихъ, заключающая воспоминанія о подвигахъ Кравчины Козацкой, составляетъ достояніе бандуристовъ. Герои сихъ пѣсенъ и думъ — славные дѣлами Гетманы и ихъ сподвижники, начиная отъ Свирговскаго (1576) до паденія войска Запорожскаго. Нѣкоторыя изъ думъ изданы Цертелевымъ. Другая часть былевыхъ пѣсенъ — думки — повѣствуютъ о лицахъ, содѣлавшихся занимательными для народа по какому-нибудь обстоятельству, но не принадлежатъ собственно исторіи Украинской. Таковы пѣсни о Шландыбенкѣ Твардовскомъ, Лемерîвкѣ, Юркѣ, Хомѣ и Яремѣ, слѣпцѣ Захаріи и пр.

3. *Нравоучительныя* занимаютъ средину между миѳическими и былевыми. Въ нихъ подъ формою разсказа о какомъ-нибудь событіи излагаются религіозно-миѳическія преданія о правилахъ жизни и нравственности. Ихъ можно сравнить съ Восточными притчами и Германскими легендами. Самая извѣстная изъ нравоучительныхъ думъ есть дума объ Алексѣѣ Поповичѣ, въ которой доказывается сила и важность молитвы родительской.

4. *Военныя* — большею частію пѣсни. Онѣ были когда-то достояніемъ Козаковъ Запорожскихъ, которые, какъ извѣстно, были охотники до пѣсенъ и мастера слагать оныя. Предметы пѣсенъ военныхъ: разлука съ родиной, походъ, сѣча, побѣда, пораженіе, молитва къ Богу, увѣренность въ Его Промыслѣ, и пр. Впрочемъ здѣсь должно отличать два рода: пѣсни Козацкія и Гайдамацкія отъ пѣсенъ, сдѣлавшихся нынѣ достояніемъ чумаковъ и ремесленниковъ, и принадлежавшихъ

прежде Козакамъ-селянамъ. Первыя суть собственно военныя; послѣднія отличаются нѣжностью чувствъ и выраженій; въ первыхъ любовь не участвуетъ ни словомъ, ни дѣломъ; во вторыхъ она часто играетъ довольно значительную роль. Количество пѣсенъ сего рода было прежде очень велико; нынѣ онѣ забываются съ каждымъ годомъ болѣе.

5. *Пѣсни анакреонтическія*, большею частію, поются женщинами, и потому называются *жиноцькими*. Всѣ онѣ повторяются на вечерницахъ, гуляньяхъ, во время плясокъ и работы. Читателямъ извѣстно болѣе 50 изъ Собранія Малор. пѣсенъ Г. Максимовича.

6. *Пѣсни юмористическія, гулливыя*. Это небольшія сатиры, часто проникнутыя самою язвительною иронiей, часто грубы и глупы до безконечности. Нѣкоторыя изъ нихъ употребляются во время плясокъ, и эти, какъ нарочно, почти всѣ недостойны никакого вниманія.

Разсматривая всѣ сіи пѣсни и думы, по ихъ употребленію, найдемъ два рода оныхъ: *обрядныя* и *домашнія*.

Кромѣ того, однѣ изъ нихъ въ народѣ называются *старыми*; другія просто *пѣснями*, или, если угодно, *новыми*. Къ старымъ принадлежатъ: весь первый отдѣлъ былевыхъ, большая часть нравоучительныхъ, и почти всѣ военныя.

По формѣ внутренней, по изложенію или характеру, думы и пѣсни Украинскія принадлежатъ болѣе или менѣе къ роду драматическихъ поэмъ: очень немногія имѣютъ чисто эпическую, или лирическую форму; напротивъ, есть много

шакихъ, коихъ все содержаніе состоитъ въ разговорѣ двухъ или нѣсколькихъ лицъ. Сценизмъ есть отличительный ихъ признакъ. Пѣсенъ и думъ, кои въ своей цѣлости не представляли бы картины или даже ряда картинъ, не много — можетъ быть, даже вовсе нѣтъ, если, основываясь на всѣхъ вѣроятностяхъ, предположимъ, что большая часть ихъ дошла до насъ въ отрывкахъ, и не рѣдко сіи картины выбраны съ отличнымъ искусствомъ, дышатъ истинною поэзіей.

По формѣ внѣшней, пѣсни имѣютъ тонико-силлабическій размѣръ и обыкновенно раздѣляются на стаитьи по 4 и по 2 стиха, кои совокупляются рифмами, или по крайней мѣрѣ, созвучіями, а думы сочинены рифмованною прозой; впрочемъ есть нѣсколько пѣсенъ безъ рифмъ, и нѣсколько думъ, въ коихъ почти нѣтъ рифмъ. Во многихъ пѣсняхъ нѣкоторые стихи повторяются по два и по три раза; иныя имѣютъ особенные припѣвы.

Скажемъ нѣсколько словъ объ изданіяхъ пѣсенъ и думъ Украинскихъ. Не включая въ число ихъ небольшія собранія пѣсенъ въ искаженномъ видѣ въ Рус. пѣсенникахъ и частію въ журналахъ и альманахахъ, — собственно изданія были доселѣ четыре:

1. Опытъ собранія старинныхъ Малороссійскихъ пѣсенъ. С.-Пб. 1819. Кн. *Цертелева.*

Семь думъ и *три* три пѣсни. Предисловіе, Примѣчаніе. Словарь.

Изданіе драгоцѣнное, но наполненное ужасными *опечатками.*

2. Малороссійскія пѣсни, изд. М. *Максимовичемъ*. М. 1827.

Сто двадцать одна пѣсня и *одна* дума. Предисловіе, Примѣчаніе, Словарь.

Изданіе любопытное по разнообразію. Главный недостатокъ его есть тотъ, что нѣкоторыя пѣсни напечатаны въ неполномъ, а иногда и неправильномъ видѣ.

3. *Запорожская старина*. Изд. *И. Срезневскаго*.

Понынѣ изданы только кн. 1, 2, 3.

Какъ издатель ни смѣло судитъ о семъ собраніи, — но думаю, что оно будетъ любопытно какъ новость, и не совсѣмъ бѣдный матеріалъ для исторіи Украйны.

4. Украинскія народныя пѣсни, изд. М. *Максимовичемъ*. ч. I. М. 1834.

Девять думъ и 104 пѣсни. Предисловіе и Примѣчанія.

Собраніе очень богатое, одно изъ лучшихъ собраній народ. Славянскихъ пѣсенъ.

2. *Сказки*.

Драгоцѣнный памятникъ фантазіи, вѣрованій, ума и воспоминаній народа Украинскаго, и вмѣстѣ богатѣйшій рудникъ для будущихъ поэтовъ Украйны. Здѣсь опять встрѣчаемъ то же различіе, какое замѣтилъ я въ пѣсняхъ и въ думахъ: однѣ изъ сказокъ, выражая любимыя идеи народа и напоминая о событіяхъ и лицахъ, драгоцѣнныхъ для его памяти, сдѣлались общимъ достояніемъ всего народа; другія извѣстны только въ нѣкоторыхъ мѣстахъ; этѣ чрезвычайно важны

для Исторіи; наконецъ, есть много такихъ, кои импровизируются, хотя, надобно признаться, что сіи послѣднія, большею частію, довольно неудачны.

По содержанію сказки можно разсматривать въ трехъ отдѣлахъ:

1. *Миѳическія.* Онѣ забываются съ каждымъ годомъ болѣе. Еще не задолго до насъ многимъ извѣстна была сказка о сотвореніи міра и о Богѣ, надѣляющемъ дарами людей и живопныхъ: нынѣ кое-кому только извѣстны нѣкоторые отрывки изъ оной, большею частію незначительные. Главныя дѣйствующія лица въ сихъ сказкахъ: духи нечистой силы и все царство, напоминающее царство Аримана, черти, бѣсы, водяные лѣшіе, русалки, лысогорскій козелъ, вѣдьмы, знахари, великаны, змѣи, и очень рѣдко древнія божества Славянъ и Литовцевъ. Замѣчательно, что въ сихъ сказкахъ высокія идеи Христіанства часто мѣшаются съ суевѣріями самыми смѣшными и нелѣпыми. Мѣстныя сказки сего рода часто любопытны; таковы на пр: о построеніи города Минска и о Чертовой горѣ Черниговской Губерніи, о пустой хатѣ въ Екатеринославской Губерніи, о подземныхъ городахъ въ Екатеринославской и Харьковской Губерніяхъ и пр.

2. *Былевыя.* Подобно пѣснямъ сего отдѣла, и сказки можно раздѣлить на два рода: — 1. О лицахъ и событіяхъ историческихъ. 2. О лицахъ и событіяхъ частной жизни.

3. *Фантастико-юмористическія.* Самое большое количество сказокъ Украинскихъ принадлежитъ къ сему отдѣлу. Часто встрѣчают-

ся въ нихъ аллегоріи, напоминающія ипотезы Индѣйцевъ и Грековъ. Таковы напр. о черномъ, бѣломъ и червонномъ; о дитяпи сиротѣ; о Лизогубѣ; о Панѣ Почалѣ; о Царѣ горохѣ; сюда же принадлежатъ и басни о лисичкѣ-сестричкѣ, волкѣ Сѣроманцѣ, Хомѣ и Яремѣ и пр.

Отлагаю на будущее время и мѣсто подробное разсмотрѣніе формы ихъ и пользы, какую могутъ онѣ принести Исторіи и Этнографіи Украинской. Здѣсь же замѣчу только, что отличительный ихъ признакъ — таинственность изложенія и простота выраженія; не такъ какъ въ сказкахъ Рускихъ, гдѣ изложеніе, большею частію, отчетливо, а выраженія не рѣдко возвышенны, живописны и еще чаще надуты и натянуты.

Доселѣ не было ни одного изданія Украин. сказокъ.

Подражанія имъ писали на Русскомъ языкѣ: *Сомовъ* подъ фирмою *Байскаго* и *Гоголь* подъ фирмою *Пасичника Рудаго Панька*. И тотъ и другой находили, сколько извѣстно мнѣ, много читателей, хвалителей и хулителей.

3. *Похвалки*.

Небольшія сказки въ родѣ басенъ, большею частію, содержанія сатирическаго. Вотъ примѣръ:

— Якъ скомандувавъ нашъ Графъ Грицько Розумовській: — По три на воло, хлопцѝ! Такъ въ три часы якъ мыломъ узяло; ȋхали день, ȋхали другій, на третій спочивали. Отъ якъ скомандувавъ нашъ Графъ Грицько Розумовській: — Зъволȋвъ, хлопцѝ! Такъ въ три часы якъ мыломъ узяло. — А ну, хлопцѝ! — хто за капки, хто

за ваганки, що й варить галушки. Якъ крикнувъ нашъ Графъ Грицько Розумовській: — Кого, хлопці, на часы поставити? — Та у насъ е, Грицько, добрый Татарюга, по Татарьску добре знае. — Якъ прійшовъ Татарюга: — Шурдю-бурдю! галушки варю! якши! наваримой лапши! — Якъ узявъ вражій Татарюга головешку, та притуливъ до пушки; якъ выпалить; — отъ нашъ Графъ Грицько Розумовській скомандувавъ: — Въ кусти, хлопци! такъ мыломъ и узяло. Сидили мы день, сидили другій. Отъ якъ скомандувавъ нашъ Графъ Грицько Розумовській на третій день: — зъ кустивъ, хлопци! Такъ въ три часы якъ мыломъ узяло. Симъ чоловикъ на лицо. —

4. *Пословицы и поговорки.*

Это, по словамъ Г. Мастака, вѣчно юная, вѣчно живая, ходячая философія народа, зеркало его жизни, заповѣдь старика, посѣдѣвшаго въ школѣ опыта, результатъ его замѣчаній, сдѣланныхъ имъ въ продолженіе всего его существованія.

Количество пословицъ и поговорокъ народа Украинскаго едва ли можно исчислить.

Между ними должно отличить три главнѣйшіе отдѣла:

1. Эпическія; на пр.

— Выпьемо по ковшій, бо намъ викъ не догвій.

— Брехнею свитъ живе.

— Брехнею свитъ пройдешь, то назадъ не вернешся.

— Береженого Богъ береже.

— Не учій гадюки у пазуси, бо вкусить.

— Недосолъ на столѝ, а пересолъ на спинѝ.
— Якъ пойдешь увъ объѝздъ, то будешь на обидъ, а якъ на простець, то у вечерѝ. и пр.

2. **Юмористическія**; напр.
— Що бабѝ, то й громадѝ.
— Черезъ пень колоду валить.
— Щукати учерашнёго дня.
— Сердце зъ перцемъ; душа зъ часночкомъ.
— Не ѝстъ Панъ Дьякъ гусей.
— Но тай Боже, що-бъ чортъ не знавъ. и пр.

3. **Былевыя**, выражающія мнѣніе народа о лицахъ, народахъ и событіяхъ, для него любопытныхъ.

Вотъ напр. понятіе Украинцевъ о Москаляхъ:
— Вѝдъ Москаля, полы врѝжъ та втѝкай.
— Вѝдъ чорта вѝд хрестится, а вѝдъ Москаля не вѝдѝбьешся.
— Зъ Москалемъ знайся, а камень у пазусѝ держи.
— Коли Москаль каже сухо, то пойднимайся по ухо; бо вѝнъ бреше.
— Москаль дорогу зна, та щей пыта.
— Москаль не великъ головѝкъ, — та ба!
— Москаль якъ ворона, а хитрѝйшъ чорта.
— Московській часъ пѝдожди!
— Мутить, якъ у селѝ Москаль.
— Не-за те Москаля бьютъ що краде, а за те, що-бъ умѝвъ кѝнца ховати.
— Тату, тату! лѝзе чортъ у хату! — Дармо! абы не Москаль. и пр. и пр.

5. *Загадки.*

Плодъ народнаго остроумія. Онѣ вообще носятъ отпечатокъ какой-то обдуманности и затѣйливости. Изъ сего числа надобно исклю-

чишь немногія, помѣщенныя въ старинныхъ сказкахъ. Если много загадокъ двусмысленныхъ — и въ такомъ случаѣ одинъ изъ смысловъ вѣрно наведетъ румянецъ на чело невинности.

Вотъ нѣсколько Украинскихъ загадокъ для примѣра:

— Бйленьке, синенькe увесь свйтъ одйвае.

Нитка.

— Крикнула утка, на мори чутко. Сбйглися дйтки не одной матки:

Колокольный благовѣстъ.

— Лысый вйлъ скрйзь ворота дйвиться.

Мѣсяцъ.

— Мету, мету — не вымету, несу, несу не вынесу;

Пора прійде, само уйде.

Свѣтъ солнца изъ окна.

— Ходить пани въ шарафанй; куды гляне, трава вяне.

Коса.

— Сива кобыла по полю ходила, зъ-поля прійшла, по рукамъ пійшла.

Сито.

— Прибйгли шприки-брики, ухватили далду-балду; почули мякинники, казали гречанникамъ: сйдайте на вйвсянники, доганяйте шприки-брики, вйднимайте галду-балду.

Волки, свиньи, собаки, люди, лошади.

и пр.

Г-нъ *Смирницкій*, издавшій нынѣ маленькое собраніе пословицъ и поговорокъ; обѣщаетъ издать и загадки. На его собраніе пословицъ и поговорокъ были замѣчанія Г. Мастака въ Телескопѣ, 1834 г.

6. *Заговоры.*

Тайна! тайна! сколько старушекъ живутъ, и славятся однимъ умѣньемъ заговаривать!

Васъ укусила змѣя: зовите старушку. . . , Она таинственнымъ, полу-гробовымъ голосомъ нашепчетъ на больномъ мѣстѣ такія рѣчи:

— „Ой, чи не въ того лукоморья зелена лоза! зелену лозу вѝтеръ сушитъ! вѝтеръ сушитъ, листы разноситъ! одинъ листочокъ у морѝ впавъ; другій листочокъ до серденька припавъ; третьему листочку рану личити, рану кѣровати:“ и т. д.

Вамъ дурно. Голова болитъ. Сердце ноетъ. Зовите старушку: она вамъ выльетъ переполохъ — и выливая нашепчетъ:

— „Ой, гулькъ, вода! бусь вода! крещи огню, жени бѝду!“ и т. п.

Въ заговорахъ вы немного отыщете для Этнографіи.

Между Украинскими заговорами есть много сходныхъ съ Русскими.

На первый разъ, довольно. Желая быть краткимъ, я, можетъ быть, не домолвилъ многаго. Простите. Будетъ время, будетъ случай — и я опять, если вамъ угодно, заговорю о памятникахъ народной Словесности Украинской. Но я желалъ бы знать прежде: стоютъ-ли эти памятники вашего вниманія.

Измаилъ Срезневскій.

Харьковъ.

1834 г. Августа 7.